

С. [=Смирнов С. И.] Библиография. [Рец. на:] *Благовидов Ф. В.* Обер-прокуроры Св. Синода в XVIII и в первой половине XIX столетия: [Отношения обер-прокуроров к Св. Синоду. Опыт церковно-исторического исследования. 2-е изд. Казань, 1900 г.] // Богословский вестник 1900. Т. 3. № 9. С. 146–165 (3-я пагин.).

БИБЛІОГРАФІЯ.

Оберъ-прокуроры Святейшаго Синода до половины XIX столѣтія.

Ф. В. Благовидовъ. Оберъ - Прокуроры Святейшаго Синода въ XVIII и въ первой половинѣ XIX столѣтія. (Отношенія оберъ-прокуроровъ къ Св. Синоду). Опытъ церковно-историческаго изслѣдованія. Второе, переработанное изданіе. Казань 1900.

Изслѣдованіе профессора Благовидова печаталось очерками въ Православномъ Собесѣдникѣ за 1897 — 1899 гг., а потомъ вышло книгой въ 1899 году. Первое изданіе носило иное подзаглавіе— „Развитіе оберъ-прокурорской власти въ синодальномъ вѣдомствѣ“, не имѣло тѣхъ незначительныхъ измѣненій и небольшихъ добавленій, которыя явились во второмъ. Но въ общемъ и послѣ переработки книга осталась почти въ прежнемъ видѣ.

Представляемъ конспективно содержаніе изслѣдованія — главнѣйшіе моменты въ исторіи развитія оберъ-прокурорской власти въ синодальномъ вѣдомствѣ.

Учрежденіе должности Оберъ-Прокурора Святейшаго Синода императоромъ Петромъ I стоитъ въ связи съ тѣмъ особеннымъ отношеніемъ, въ которомъ находился преобразователь Россіи къ представителямъ высшаго церковнаго управленія, а затѣмъ—въ общей связи съ реформами государственнаго управленія. Въ дореформенной Руси церковь была

самостоятельна, стояла рядомъ съ государствомъ и оказывала значительное вліяніе на жизнь самого государства. Петръ былъ проникнутъ идеей государственнаго абсолютизма, на іерарховъ смотрѣлъ какъ на людей, обязанныхъ служить государству въ сферѣ церковной жизни, и видѣлъ великую опасность для государства въ независимомъ патріархѣ. Это откровенно высказано въ Духовномъ Регламентѣ Теофаномъ Прокоповичемъ, единомышленникомъ и истолкователемъ Петра. Кромѣ того въ церковномъ управленіи было много беспорядковъ. Выходомъ изъ такого положенія было преобразование органа высшаго церковнаго управленія въ коллегію — св. Синодъ, который Петръ поставилъ первоначально на ряду съ другими коллегіями, т. е. въ подчиненное положеніе Сенату, сосредоточивавшему въ своихъ рукахъ завѣдываніе всѣмъ государствомъ. У Петра была мысль въ составъ этой духовной коллегіи ввести на ряду съ представителями церковной власти и лицъ „мірскаго чина“ изъ опасенія оппозиціи со стороны духовенства. Однако мысль эта ему не удалась. Св. Синодъ состоялъ изъ однихъ духовныхъ особъ, въ точномъ смыслѣ былъ духовной коллегіею. Но питая великое довѣріе къ коллегіальной формѣ управленія, преобразователь мало довѣрялъ членамъ коллегій. Онъ устанавливаетъ контроль и надъ высшимъ коллегіальнымъ учрежденіемъ въ государствѣ — надъ Сенатомъ и для этого въ коллегіальное учрежденіе вводитъ личное начало. Органомъ контроля въ Сенатѣ была учреждена должность сначала генераль-ревизора, потомъ оберъ-секретаря и наконецъ генераль-прокурора (въ 1722 г.) Должность оберъ-прокурора св. Синода по своему значенію была повтореніемъ должности сенатскаго генераль-прокурора: имъ обоемъ была дана одна и таже инструкция. Св. Синодъ получилъ органъ государственнаго надзора наряду съ Правит. Сенатомъ, съ которымъ онъ былъ совершенно приравненъ послѣ протеста духовенства противъ несправедливаго подчиненія духовной коллегіи Сенату на ряду съ другими коллегіями. Вопреки существующему въ литературѣ мнѣнію о низшемъ положеніи Синода сравнительно съ Сенатомъ авторъ доказываетъ ихъ полное равенство.

Въ 1722 году учреждена была должность оберъ-прокурора Синода. Его члены не видѣли большой и серьезной опас-

ности для самостоятельности и независимости высшаго церковнаго учрежденія отъ введенія въ его организацію новой должности. Дѣйствительно, важныя и обширныя права и полномочія этого представителя и защитника государственныхъ интересовъ въ церковномъ управленіи по идеѣ Петра нисколько не возвышали оберъ-прокурора надъ самымъ учрежденіемъ, не ставили его въ положеніе начальника, не давали права дѣйствовать подавляющимъ образомъ на самостоятельность и независимость Синода. Эти права и обязанности по инструкціи состояли въ слѣдующемъ. Оберъ-прокуроръ долженъ „накрѣпко смотрѣть“ за разнообразной дѣятельностью св. Синода. Постоянно присутствуя въ засѣданіяхъ Синода, онъ долженъ внижательно наблюдать, чтобы дѣятельность послѣдняго сообразовалась съ высочайшими указами и регламентами и чтобы ни въ какомъ случаѣ не было излишней медлительности въ веденіи и рѣшеніи дѣлъ. Отступленія Синода отъ точнаго исполненія закона или пристрастіе въ рѣшеніи дѣла даетъ оберъ-прокурору поводъ къ вмѣшательству: онъ предлагаетъ Синоду измѣнить такое постановленіе. Въ подчиненное отношеніе къ оберъ-прокурору ставятся низшіе представители надзора въ церковномъ вѣдомствѣ (прокуроры и инквизиторы): онъ управляетъ канцеляріей св. Синода. Кромѣ того оберъ-прокуроръ былъ надѣленъ еще однимъ важнымъ правомъ—предлагать на разсмотрѣніе Синода такіе вопросы, на которые не существовало достаточно ясныхъ и опредѣленныхъ отвѣтовъ въ дѣйствующемъ законодательствѣ. Такимъ образомъ по смыслу инструкціи оберъ-прокуроръ св. Синода былъ и первоначально больше, чѣмъ простой наблюдатель (а такое мнѣніе высказывалось не одинъ разъ въ нашей литературѣ). Ему дано было право по своему усмотрѣнію останавливать исполненіе постановленій св. Синода, признаваемыхъ прокуратурой несогласными съ требованіями законовъ, и полномочіе доносить государю, если его не послушаютъ. Но въ своихъ доношеніяхъ оберъ-прокуроръ обязанъ былъ соблюдать крайнюю осторожность, чтобы не причинить кому незаслуженнаго безчестія. Съ другой стороны и Синодъ въ случаѣ незаконныхъ поступковъ оберъ-прокурора имѣлъ право арестовать „око государево“, начать противъ него судебное слѣдствіе, передавъ прокурорскія обязанности дру-

тому лицу по своему выбору; и только не имѣль права наказывать виновнаго своею властью. Итакъ должность оберъ-прокурора св. Синода была средствомъ для успѣшной борьбы съ злоупотребленіями и энергичнымъ орудіемъ для оживленія самой дѣятельности св. Синода. Не для безплодной взаимной борьбы вводилъ Петръ въ коллегіи личное начало, а для совокупной дѣятельности. А между тѣмъ въ духовной коллегіи эта борьба съ личнымъ началомъ открылась вскорѣ послѣ учрежденія оберъ-прокурорской должности. И едва ли не болѣе всѣхъ другихъ причинъ на первыхъ порахъ мѣшало ихъ дружеской совмѣстной работѣ столкновение интересовъ государственнаго и церковнаго въ отношеніи къ церковнымъ вотчинамъ.

Мы приведемъ только нѣкоторые эпизоды борьбы, — главнѣйшіе моменты изъ исторіи развитія оберъ-прокурорской власти.—При Петрѣ и его преемникахъ до вступленія на престолъ Елизаветы фактическое положеніе синодальнаго оберъ-прокурора, надѣленнаго обширными правами, было незавидно. Синодъ непосредственно, т. е. помимо оберъ-прокурора, сносился съ высшею властью. Чиновники Синода, подчиненные по инструкціи оберъ-прокурору, не слушаютъ его. Синодъ вопреки этой инструкціи имѣль власть надъ канцеляріей и ея служебнымъ персоналомъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ власть оберъ-прокурора сводилась къ нулю. Первый оберъ-прокуроръ драгунскій полковникъ Иванъ Васильевичъ Болтинъ вмѣшивается въ дѣла Синода особенно экономическаго характера (дѣло о жалованьи членамъ Синода), но его вмѣшательство не имѣеть успѣха. Рѣшеніе возбужденныхъ имъ вопросовъ откладывается членами Синода до слѣдующаго собранія и его предложенія остаются безъ соответствующихъ синодальныхъ постановленій. Даже второстепенныя синодальныя учрежденія, какова Московская духовная дикастерія, ведутъ себя независимо въ отношеніи къ Болтину. Пропеходило это отъ того, что отношеніе оберъ-прокурора къ духовной власти не было строго регламентировано: инструкція имѣла въ виду только исключительные случаи, а не нормальную дѣятельность церковнаго учрежденія. Кромѣ того, первый оберъ-прокуроръ былъ далекъ отъ источника своихъ полномочій по своему скромному чиновному положенію, а отъ Синода зависѣль

материально. Болтинъ имѣлъ чинъ полковника и по рангу получалъ 300 рублей, притомъ съ вычетомъ четвертой части, гораздо меньше нѣкоторыхъ подчиненныхъ ему синодальныхъ чиновниковъ (оберъ-секретарь напримѣръ получалъ 1200 р.). Поданная Болтиннымъ на имя государя челобитная о назначеніи добавочнаго жалованья за исправленіе оберъ-прокурорской обязанности (такъ какъ опредѣленнаго правительственнаго оклада оберъ-прокурору тогда не было) осталась безъ послѣдствій и онъ вынужденъ былъ писать челобитную и въ св. Синодъ, чтобы онъ предстательствовалъ предъ Сенатомъ о разсмотрѣннн прежняго челобитья. Не дождавшись резолюціи онъ просилъ снова. Синодъ принялъ участіе и направилъ дѣло въ Сенатъ, но такъ какъ оттуда не приходило никакого рѣшенія, Болтинъ еще разъ „всепокорнѣйше просить“ Синодъ выдать ему какое-нибудь вознагражденіе изъ своихъ неокладныхъ доходовъ. По всепокорнѣйшей просьбѣ Болтину было выдано единовременно 300 рублей. Ничтожные размѣры жалованья и своеобразныя условия его полученія создавали для перваго оберъ-прокурора тяжелую необходимость довольно часто обращаться къ Синоду за благосклоннымъ содѣйствіемъ или прямо за помощью и чувствовать себя въ полной экономической зависимости отъ того учрежденія, къ которому долженъ бы стоять независимо. Вотъ почему первый оберъ-прокуроръ Синода не былъ самостоятеленъ и дѣйствовать въ союзѣ съ Θεодосіемъ Яновскимъ, съ паденіемъ котораго и былъ отставленъ отъ должности. При преемникахъ Петра до воцаренія Елизаветы въ исторіи прокуратуры не произошло перемѣны въ смыслѣ усиленія или ослабленія вліянія въ св. Синодѣ. Ни перемѣны въ высшемъ государственномъ управленіи, ни преобразования Синода, ни временное уничтоженіе самой должности оберъ-прокурора не оставили важнаго слѣда въ исторіи взаимныхъ отношеній оберъ-прокуроровъ и Синода. Оберъ-прокуроры не усилили своего вліянія, потому что идея прокуратуры не пользовалась расположеніемъ преемниковъ преобразователя. Но почему св. Синодъ не избавился отъ прокуратуры или по крайнѣй мѣрѣ не сократилъ ея правъ, этого авторъ не выясняетъ, хотя объясненіе этому можно найти, кажется, во взаимныхъ отношеніяхъ членовъ Синода того времени.

Важное значеніе въ исторіи оберъ-прокурорской власти въ св. Синодѣ представляетъ царствованіе Елизаветы, имѣвшей въ виду продолжать всё начинанія Петра, — частіе время оберъ-прокурора кн. Якова Петровича Шаховского (1741—1753). Властолюбивый, энергичный и честный служака, обладавшій прекрасной подготовкой и тактомъ, этотъ оберъ-прокуроръ впервые далъ почувствовать членамъ Синода всю важность и невыгодность государственнаго надзора за ихъ дѣятельностью. При выдающихся личныхъ дарованіяхъ, онъ пользовался большимъ довѣріемъ государыни и дѣйствительно былъ проникнутъ стремленіемъ ревностно защищать государственные интересы въ духовномъ учрежденіи. Матеріальные интересы той и другой стороны, т. е. государства и духовнаго вѣдомства были главной почвой для столкновеній оберъ-прокурора и Синода. Вопросъ о размѣрахъ жалованья членамъ Синода, о предоставленіи въ пользу казны остатковъ отъ дохода съ церковныхъ вотчинъ, объ обязательномъ доставленіи денегъ и вещей послѣ умершихъ архіереевъ и архимандритовъ — вотъ что вызывало прежде всего частыя представленія оберъ-прокурора и сообщало напряженность борьбѣ. Кромѣ того кн. Шаховской настойчиво протестовалъ противъ пристрастныхъ рѣшеній судебныхъ дѣлъ, когда виновными оказывались представители духовенства монашескаго и высшаго. У церковнаго учрежденія была неизмѣнная тенденція прикрыть, затушить то или другое дѣло, скандальное для духовнаго чина, у оберъ-прокурора настойчивое стремленіе наказать виновныхъ по закону. Шаховской старается подчинить себѣ синодальныхъ чиновниковъ и упорядочить дѣлопроизводство. Его кругозоръ былъ широкъ: онъ отмѣчаетъ предъ Синодомъ безпорядки приходской жизни, епархіальнаго управленія, стараясь подчинить послѣднее своему надзору. Онъ считалъ своимъ долгомъ внимательно слѣдить за церковной жизнью во всѣхъ ея проявленіяхъ и оказывать на нее свое вліяніе посредствомъ своихъ предложеній Синоду. Его дѣятельность имѣла безусловно упорядочивающее значеніе въ вѣдомствѣ, которое сильно нуждалось въ этомъ. Но она не встрѣчала противодѣйствія только до тѣхъ поръ, пока не затрогивались интересы самихъ синодальныхъ членовъ. Въ противномъ случаѣ возникали столкновенія и не-

доразумѣнія. Орудія, которыми боролись обѣ стороны, были разны. Настойчивости и энергіи оберъ-прокурора члены Синода противопоставили политику пассивнаго противодѣйствія. Нежелательныя предложенія его откладывались до полнаго собранія, т. е. въ долгій ящикъ. Употреблялись „довольно своеобразныя приемы“, чтобы лишить значенія его предложенія, и „всевозможныя средства“, чтобы поколебать довѣріе къ нему императрицы. Его значенію предъ государыней было противопоставлено вліяніе на нее со стороны самихъ же членовъ Синода окольными путями, чаще чрезъ графа Разумовскаго. Когда оберъ-прокуроръ протестовалъ противъ полученія членами Синода жалованья безъ законнаго вычета, они на законномъ основаніи задержали выдачу жалованья самому оберъ-прокурору. Борьба велась съ переменнымъ счастьемъ для обѣихъ сторонъ. Шаховской всетаки удержался на своемъ посту и былъ уволенъ на новую должность съ повышеніемъ „въ награду за добросовѣстное исполненіе оберъ-прокурорскихъ обязанностей“. Какіе же были результаты дѣятельности этого талантливаго оберъ-прокурора Синода для развитія оберъ-прокурорской власти въ синодальномъ вѣдомствѣ? Шаховскому приходилось не разъ убѣждаться въ „фактическомъ безсиліи“, „полнѣйшемъ безсиліи“ своей власти, въ тѣхъ случаяхъ, когда его предложенія расходились съ интересами высшаго церковнаго управленія, были почему-либо неудобны для интересовъ духовнаго вѣдомства: они исполнялись только тогда, когда это было выгодно или удобно св. Синоду. Но несомнѣнно кн. Шаховской поднѣялъ престижъ самой должности. Члены Синода стали считаться съ свѣтскимъ чиновникомъ, котораго они раньше игнорировали. Характерный случай разсказываетъ въ своихъ запискахъ кн. Шаховской и нашъ авторъ безъ всякихъ оговорокъ передаетъ его въ книгѣ. Когда государыня, послѣ нѣкотораго охлажденія вернула Шаховскому свое довѣріе, члены Синода рѣшили обратиться къ послѣднему средству, чтобы избавиться отъ нежелательнаго представителя прокурорскаго надзора. Явившись къ императрицѣ, синодальные члены на колѣняхъ и со слезами умоляли ее избавить ихъ отъ невыносимаго оберъ-прокурора, жаловались государынѣ, что нѣтъ никакой возможности выслушивать въ собраніи докучливыя, дерзкія, оскор-

бительныя письменныя и словесныя предложенія Шаховского, нерѣдко сопровождающіяся неприличными спорами и убѣждали ее въ необходимости уволить Шаховского отъ должности синодальнаго оберъ-прокурора, прося въ случаѣ несогласія на предлагаемую мѣру освободить ихъ самихъ отъ присутствованія въ Синодѣ. Императрица обѣщала просителямъ смѣнить оберъ-прокурора, но послѣ рѣшительно заявила, что Шаховской нуженъ ей въ Синодѣ и что она совѣтъ не намѣрена увольнять его отъ оберъ-прокурорской службы, такъ какъ достаточно уже убѣдилась въ его добросовѣстномъ отношеніи къ своимъ обязанностямъ. Но и такое довѣріе государыни къ оберъ-прокурору не усилило его фактической власти въ Синодѣ. Только дѣлопроизводство и канцелярія стали теперь подъ дѣйствительную власть и начальство оберъ-прокурора. Преемники кня. Шаховского (Львовъ и Козловскій) не располагали такимъ довѣріемъ государыни, его энергіей и настойчивостью, ни его честностью (Львовъ), вообще не имѣли тѣхъ выдающихся способностей, какими обладалъ Шаховской. Поэтому они не оказали вліянія на развитіе оберъ-прокурорской власти въ св. Синодѣ. Вотъ характерный приказъ императрицы Елизаветы, данный барону Черкасову въ 1755 году, при оберъ-прокурорѣ Львовѣ, ярко рисующій незавидное положеніе въ Синодѣ представителя государственной власти: „объявить собранію св. Синода, чтобъ впредь св. Синодъ въ противность указамъ никакихъ дѣлъ по домамъ не дѣлалъ, но по указу въ Синодѣ, ничего не скрывая отъ оберъ-прокурора, какъ было то до тѣхъ поръ по дошедшимъ до Ея Величества свѣдѣніямъ; также чтобы и оберъ-секретари и прочіе канцелярскіе служители были оберъ-прокурору послушны, дѣлъ не подписывали по домамъ у синодальныхъ членовъ и того, что подписывали не таили отъ оберъ-прокурора. И если окажутъ себя отъ сихъ поръ противными указамъ и непослушными оберъ-прокурору, то съ ними поступлено будетъ по жестокости правъ государственныхъ безъ послабленія“. Но главная причина такого безцілія прокуратуры заключалась не въ личныхъ недостаткахъ преемниковъ Шаховского, а въ отношеніи верховной власти къ св. Синоду и оберъ-прокурору. Императрица Елизавета Петровна сильно была расположена къ русскому духовенству и становилась иногда на

сторонѣ Синода противъ оберъ-прокурора. Не отличаясь постоянствомъ характера и безпристрастіемъ къ окружающимъ лицамъ, она недостаточно содѣйствовала и лучшему оберъ-прокурору своего царствованія въ его начинаніяхъ.

Царствованія Петра III и Екатерины II были очень благоприятны для развитія оберъ-прокурорской власти. И тотъ и другая были не расположены ни къ религіи, ни къ церкви. Петръ явно выражалъ свое перасположеніе къ духовенству высовываніемъ языка священнику и дьяконамъ во время богослуженія. У Екатерины взгляды на религіозные и церковные вопросы вытекали изъ современныхъ ей философскихъ ученій. Не допуская совмѣстнаго существованія въ государствѣ двухъ различныхъ властей, она признавала самую широкую зависимость церкви отъ государства и съ этой точки зрѣнія находила возможнымъ называть себя главою русской церкви. Екатерина продолжала церковную политику своего мужа, но съ большимъ успѣхомъ. Главнѣйшее дѣло этой императрицы въ церковной политикѣ— полная секуляризація архіерейскихъ и монастырскихъ вотчинъ. Чтобы произвести эту важную реформу, императрица позаботилась пополнить наличный составъ Синода архіереями, преданными ей или маловліятельными и неспособными энергично отстаивать интересы духовнаго вѣдомства. Вотъ почему проектъ не встрѣтилъ противодѣйствія въ Синодѣ. И когда раздался смѣлый голосъ ростовскаго митрополита Арсенія Маціевича, рѣшительно возставшаго противъ намѣреній правительства отобрать недвижимыя церковныя имуществы, члены Синода поспѣшили предупредительно выдать Арсенія верховной власти и осудили его за смѣлую и самоотверженную защиту интересовъ церкви. Поведеніе св. Синода въ дѣлѣ Арсенія Маціевича убѣдило Екатерину въ полнѣйшей возможности не стѣсняться въ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ интересами и желаніями высшаго органа церковнаго управленія и открыто заявить о своемъ безповоротномъ рѣшеніи превратить всѣ монастырскія и архіерейскія вотчины въ государственныя имуществы. Исторія отобранія церковныхъ вотчинъ уясняетъ характеръ отношеній государственной власти екатерининскаго времени къ высшему церковному учрежденію, поставленному императрицей въ положеніе послушнаго орудія верховной власти, вынужденнаго

безпрекословно жертвовать даже самыми существенными интересами своего вѣдомства. Такой характеръ отношеній къ Синоду со стороны императрицы выразился въ ея рѣзкой и откровенной рѣчи къ синодальнымъ членамъ объ отобраніи церковныхъ имуществъ. Помня свой поступокъ съ Арсеніемъ члены Синода должны были покорно выслушать императорскую рѣчь, полную изысканой укоризны и нескрываемаго презрѣнія къ нимъ. Они какъ рабы предали Арсенія свѣтской власти; теперь свѣтская власть поработила ихъ.

Такой характеръ отношеній верховной власти къ св. Синоду отразился и на положеніи оберъ-прокурора въ церковномъ управленіи. Наиболѣе выдающимся оберъ-прокуроромъ въ правленіе Екатерины II являются Мелиссино и Чебышевъ. Оба они были передовыми людьми своего времени и отрицательно относились къ религіи. Мелиссино былъ назначенъ оберъ-прокуроромъ изъ директоровъ Московскаго университета. Въ помощники ему и въ качествѣ будущаго преемника былъ назначенъ извѣстный Потемкинъ, въ инструкціи которому проведены требованія строжайшаго внимательнаго контроля за дѣятельностью св. Синода и ближайшаго участія въ церковномъ управленіи. Эти условія благоприятствовали осуществленію на практикѣ цѣлей и намѣреній правительства относительно синодальнаго управленія. Дѣйствительно, императрица очень часто пользовалась посредничествомъ Мелиссино въ дѣлахъ церковнаго вѣдомства, а это давало возможность оберъ-прокурору представлять предъ нею синодальныя дѣла въ томъ свѣтѣ, въ какомъ ему было нужно, и возможность вліять на ихъ рѣшенія въ Синодѣ. Синодъ былъ вынужденъ подчиняться вліянію прокуратуры и исполнять ея предложенія даже въ гѣхъ случаяхъ, когда Мелиссино затрогивать самые существенные интересы духовнаго вѣдомства. Тѣмъ не менѣе Екатерина въ иныхъ случаяхъ сносилась съ членами Синода и помимо оберъ-прокурора и Синодъ иногда дѣлалъ ей доклады безъ его вѣдома. Онъ находилъ еще достаточно средствъ, чтобы парализовать стремленіе Мелиссино подчинить синодальныхъ членовъ вліянію современныхъ передовыхъ философскихъ идей о религіи и церковномъ устрой-

ствѣ. Когда Мелиссено издалъ свои „пункты“, свидѣтельствующіе о его религіозномъ вольнодумствѣ и легкомысліи, и предложилъ Синоду воспользоваться ими для составленія наказа синодальному депутату, избранному въ Большую комиссію объ уложеніи, Синодъ уклонился отъ оффиціального обсужденія ихъ и составилъ наказъ совершенно самостоятельно.—Чебышевъ былъ открытый атеистъ и считалъ излишнимъ скрывать или маскировать свои религіозныя убѣжденія, при томъ же онъ былъ до такой степени грубъ и невоздерженъ, что когда въ засѣданіи Синода рѣшались дѣла не такъ, какъ ему хотѣлось, „то онъ разумѣется про себя чуть слышно провозгласитъ каждую подпись гнилымъ словомъ“. Безпрекословно исполняя распоряженія верховной власти, передававшіеся чрезъ оберъ-прокурора, Синодъ по прежнему продолжалъ держать себя довольно самостоятельно и независимо къ прокуратурѣ, когда Чебышевъ не соглашался съ его рѣшеніями, основываясь на своихъ только правахъ и полномочіяхъ, предоставленныхъ ему инструкціей. Зависѣло это можетъ быть и отъ того, что оберъ-прокуроръ былъ не совсѣмъ неправиленъ: онъ былъ отставленъ отъ должности по обвиненію въ незаконномъ пользованіи казенными суммами синодальнаго вѣдомства.

Послѣдующіе оберъ-прокуроры екатерининскаго времени ничего не сдѣлали для развитія своей власти въ Синодѣ, а при императорѣ Павлѣ вліяніе оберъ-прокуроровъ въ значительной степени ослабѣло. Императоръ обнаруживалъ иногда несомнѣнное стремленіе возвысить значеніе въ церковномъ управленіи первенствующаго члена Синода и духовно-іерархическая власть въ св. Синодѣ поднялась при немъ на значительную высоту. Громадное вліяніе на дѣла Синода въ это время имѣлъ Амвросій митрополитъ Петербургскій. Намъ кажется, ослабленіе прокуратуры въ царствованіе императора Павла въ изслѣдованіи проф. Благовилова представлено не довольно рельефно. Изъ фактовъ, рассказанныхъ имъ, выходитъ больше. Энергичный Хованскій, не считавшійся очевидно съ новыми вѣяніями, не продержался и двухъ годовъ: онъ былъ отставленъ по жалобѣ синодальныхъ членовъ. Слѣдовательно, въ его самостоятельномъ отношеніи къ Синоду нельзя видѣть соотвѣтствія съ фактическимъ положеніемъ оберъ-прокурорской власти за это

время. Но этого мало. Императоръ поручилъ митрополиту Амвросію выбрать новаго оберъ-прокурора по своему мнѣнію. При Хвостовѣ дѣйствительное фактическое управление наиболѣе важными дѣлами духовнаго вѣдомства сосредоточилъ митрополитъ Амвросій. Оберъ-прокуроръ не оказывалъ вліянія на синодальныхъ членовъ, легко мирился съ утратой той доли фактическаго вліянія на церковное управление, какое успѣла приобрести прокуратура въ предшествовавшее время. Хвостовъ принужденъ былъ дѣлиться съ митрополитомъ Амвросіемъ даже прерогативами оберъ-прокурорской власти. По всему этому царствованіе императора Павла является въ исторіи оберъ-прокуроровъ единственной эпохой, не повторявшейся ни раньше ни послѣ. И по нашему мнѣнію было бы удобнѣе выдѣлить его въ книгѣ въ особую главу.

Рѣшительный моментъ въ исторіи развитія оберъ-прокурорской власти имѣло царствованіе Александра I. Реформы первой половины этого царствованія — учрежденіе министерствъ имѣютъ своимъ слѣдствіемъ то, что оберъ-прокуроръ Яковлевъ обнаруживаетъ несомнѣнное стремленіе присвоить себѣ министерскія полномочія въ „синодальномъ департаментѣ“. Яковлевъ присвоилъ себѣ министерское право совершенно самостоятельно дѣлать доклады государю о различныхъ нуждахъ духовнаго вѣдомства. Наиболѣе вліятельный членъ Синода митрополитъ Амвросій пытался уговорить оберъ-прокурора, чтобы онъ дѣйствовалъ всегда согласно съ синодальными членами и не обращался къ государю ни съ какими докладами безъ предварительнаго ихъ обсужденія съ ними. Онъ обѣщалъ ему награды и грозилъ низверженіемъ. Но это не остановило энергичнаго и властолюбиваго оберъ-прокурора. Онъ настойчиво контролируетъ хозяйственную часть синодальнаго управленія, добивается того, что всѣмъ министрамъ было объявлено распоряженіе, чтобы они входили въ сношеніе по дѣламъ не съ первенствующимъ членомъ Синода митрополитомъ Амвросіемъ, а съ оберъ-прокуроромъ; старается усилить свой контроль надъ дѣлопроизводствомъ, свой надзоръ за состояніемъ епархіальнаго управленія, даже обнаруживаетъ стремленіе оказывать свое вліяніе на избраніе епископовъ. Правда эти старанія не всегда сопровождались успѣхомъ. Раздражен-

ные члены Синода обратились къ государю съ жалобой на оберъ-прокурора и онъ былъ оставленъ. Но преемникъ Яковлева кн. Александръ Николаевичъ Голицынъ достигъ того, къ чему стремился первый. Сначала вольнодумецъ въ религиозныхъ вопросахъ онъ былъ всетаки добросовѣстнымъ и корректнымъ оберъ-прокуроромъ, а потомъ измѣнилъ свои убѣжденія и увлекся мистицизмомъ, покровительствомъ которому и извѣстенъ въ исторіи. Онъ былъ ближайшимъ другомъ дѣтства императора, „царскимъ наперсникомъ“, вмѣстѣ съ должностью оберъ-прокурора получилъ званіе статсъ-секретаря и былъ близокъ къ государю. Митрополитъ Амвросій искалъ у него покровительства, другіе члены Синода не рѣшались оказывать никакого противодѣйствія усиливавшемуся вліянію прокуратуры на церковное управленіе. При Голицынѣ прекратились недоразумѣнія и столкновенія съ синодальными членами: „все утихло и духъ монарха водворился въ Синодѣ“. Члены высшаго церковнаго учрежденія въ скоромъ времени должны были подчиниться сильному вліянію прокуратуры, которая дѣйствовала подавляющимъ образомъ на ихъ самостоятельность и лишала ихъ возможности руководиться своими собственными соображеніями при обсужденіи и рѣшеніи вопросовъ церковно-общественной жизни. Голицынъ свободно распоряжается канцеляріей, наказываетъ несправныхъ чиновниковъ, не оставляетъ безъ своего внимательнаго надзора и дѣятельность епархіальныхъ органовъ церковнаго управленія, употребляя иногда крутыя мѣры относительно несправныхъ секретарей консисторій, напр., увольненіе отъ службы. Факты уклоненія епархіальныхъ органовъ отъ исполненія требованій прокурора становятся теперь уже неключительнымъ явленіемъ. Въ епархіальномъ управленіи Голицынъ приобрѣлъ громадное значеніе, поставивъ въ значительную фактическую зависимость отъ себя награжденіе архіереевъ орденами, перемѣщеніе епископовъ съ одной каѳедры на другую и даже назначеніе въ члены Синода. Вызовъ однихъ епископовъ для присутствія въ Синодѣ и удаленіе другихъ въ епархіи оказывали громадное вліяніе на самый составъ высшаго органа церковнаго управленія, помогали оберъ-прокурору устранять изъ него всѣхъ лицъ, неудобныхъ для его власти. Власть оберъ-прокурора развивалась теперь и въ новомъ направле-

ніи. Въ XVIII стол. оберъ-прокуроры были только представителями государственныхъ интересовъ въ духовномъ вѣдомствѣ, теперь оберъ-прокуроръ, поставленный въ новое положеніе, приравнивавшее его къ министрамъ различныхъ вѣдомствъ, долженъ былъ входить и въ спеціальныя интересы духовнаго вѣдомства, принимать дѣятельное участіе въ подготовленіи реформъ. Голицынъ принялъ на себя руководство предварительной разработкой вопроса о преобразованіяхъ въ духовномъ вѣдомствѣ (въ реформѣ духовныхъ учебныхъ заведеній) и устранилъ Синодъ отъ непосредственнаго вмѣшательства въ обсужденіе предложенныхъ реформъ. Такъ онъ успѣлъ фактически поставить себя въ положеніи главноуправляющаго синодальнымъ вѣдомствомъ и могъ официально превратиться въ министра духовныхъ дѣлъ (1817 г.). Эта крупная реформа объясняется связью, которая существовала между сенатскимъ генераль-прокуроромъ и оберъ-прокуроромъ Синода. Первый къ концу XVIII стол. сталъ представлять собою не одинъ изъ составныхъ элементовъ высшаго государственнаго учрежденія, а постепенно выдѣлившійся элементъ личнаго управленія, основанный на новомъ министерскомъ началѣ. Это отозвалось и на положеніи оберъ-прокурора, такъ какъ онъ былъ поставленъ самимъ правительствомъ въ такія же отношенія къ св. Синоду, какія существовали между генераль-прокуроромъ и Сенатомъ. Но на этой реформѣ отразились отчасти и своеобразныя религіозныя убѣжденія Александра I. Универсальная религія сердца, мирившаяся со всеми исповѣданіями, стремленіе обосновать народное просвѣщеніе на началахъ христіанскаго благочестія—таковы эти убѣжденія,—отразились на реформѣ такимъ образомъ, что Голицынъ, будучи министромъ духовныхъ дѣлъ, въ то же время состоялъ главноуправляющимъ духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій и министромъ народнаго просвѣщенія. Образованіе министерства духовныхъ дѣлъ приравнивало Синодъ къ второстепеннымъ учрежденіямъ и крайне его унижало. Это возбудило ропотъ и негодованіе духовенства, а увлеченіе Голицына мистицизмомъ помогло его сверженію и уничтоженію самаго министерства (1824 г.). Съ возведеніемъ Голицына въ министры духовныхъ дѣлъ назначенъ былъ оберъ-прокуроромъ кн. Мещерскій. Но дѣйствительнымъ

представителемъ государственной власти въ синодальномъ вѣдомствѣ оставался самъ Голицынъ, Мещерскій же только выполнялъ его разнообразныя порученія. Впрочемъ Голицынъ иногда устранялъ оберъ-прокурора отъ всякаго посредничества въ сношеніяхъ съ Синодомъ. Но съ уничтоженіемъ министерства духовныхъ дѣлъ и устраненіемъ Голицына значительная часть его министерскихъ правъ и преимуществъ была перенесена на оберъ-прокурора. Такъ послѣ Голицына Мещерскій всталъ въ такія же почти отношенія къ Синоду, какъ министръ духовныхъ дѣлъ. Правительство его надѣляеть и министерскимъ правомъ — правомъ непосредственныхъ сношеній съ верховною властью.

Въ царствованіе Николая I положеніе оберъ-прокурора не измѣнилось: правительство приравнивало его полномочія къ правамъ и обязанностямъ министровъ и пользовалось имъ, какъ самостоятельнымъ органомъ государственной власти въ церковномъ управленіи. Въ Синодѣ могло еще имѣть мѣсто стремленіе руководиться при рѣшеніи дѣлъ собственными соображеніями, но это было рѣдко и непосредственныя сношенія членовъ Синода съ государемъ являются уже пережиткомъ. Слѣдующій послѣ Мещерскаго оберъ-прокуроръ Нечаевъ оказалъ довольно важныя услуги оберъ-прокурорской власти. Наибольше важное значеніе имѣла организація при отдѣленіи духовныхъ дѣлъ особаго контроля, какъ самостоятельнаго учрежденія, подчиненнаго не самому св. Синоду, а его оберъ-прокурору. Съ этимъ Нечаевъ получилъ возможность значительно усилить наблюденія государственной власти надъ церковнымъ и монастырскимъ хозяйствомъ. Духовенство несочувственно встрѣтило эту реформу. Оберъ-прокуроръ же не стѣнялся принимать строгія мѣры къ уничтоженію замѣчаемыхъ имъ разнообразныхъ нравственныхъ недостатковъ въ жизни духовенства. Епархіальное управленіе онъ подвергъ секретному жандармскому надзору и на епископовъ и на членовъ Синода посыпались жандармскіе доносы. Отъ такого доноса пришлось однажды оправдываться Московскому митрополиту Филарету. Нечаевъ дѣйствовалъ въ Синодѣ рѣшительно „измѣняя синодальныя резолюціи и опредѣленія, употребляя то настойчивость то хитрость“. Его вліяніе на церковное управленіе сдѣлалось настолько значительно, что фактически лишило Синодъ почти всякой

возможности проявлять необходимую самостоятельность и независимость въ рѣшеніи многихъ церковныхъ вопросовъ. Графъ Николай Александровичъ Протасовъ, преемникъ Нечаева, былъ испрошенъ самимъ Синодомъ въ оберъ-прокуроры и его назначеніе было встрѣчено въ духовномъ мірѣ съ большою радостью и наилучшими ожиданіями. Но новый прокуроръ слѣдовалъ той же политикѣ, что и предшественникъ, только отличался еще большей энергіей и настойчивостью, такъ что въ скоромъ времени успѣлъ довести до конца начатую Нечаевымъ организацію при св. Синодѣ новыхъ учрежденій, завѣдывавшихъ различными отраслями церковнаго управленія подъ непосредственнымъ наблюденіемъ и руководствомъ оберъ-прокурора. Одинъ современникъ такъ характеризуетъ всѣ реформы Протасова. Изъ оберъ-прокурорства онъ сдѣлалъ настоящее министерство. На первый разъ оберъ-прокуроръ уничтожилъ комиссію духовныхъ училищъ, гдѣ заседали члены св. Синода и создалъ духовно-учебное управленіе подъ дирекціей своего чиновника въ формѣ министерскаго департамента, а для завѣдыванія финансовыми дѣлами образовалъ второй департаментъ—хозяйственное управленіе. Такъ какъ министры имѣли собственныя канцеляріи, то онъ переименовалъ въ свою канцелярію отдѣленіе духовныхъ дѣлъ православнаго псовѣданія и наконецъ учредилъ должность директора синодальной канцеляріи, вслѣдствіе чего и послѣдняя канцелярія, составившая какъ-бы одно цѣлое съ св. Синодомъ, отдѣлилась отъ него и превратилась въ особый департаментъ. Всѣ эти учрежденія стояли подъ главнымъ начальствомъ оберъ-прокурора. Такимъ образомъ оберъ-прокуроръ сдѣлался фактическимъ министромъ, а новыя синодальныя учрежденія его департаментами. Синодъ во всемъ подчинился вліянію представителя государственной власти. Никто не смѣлъ возвышать голоса въ защиту своихъ правъ, потому что подвергался опасности или быть устраненнымъ отъ присутствованія въ Синодѣ или даже переведеннымъ въ худшую епархію „безъ суда и апелляціи“. „Страхъ и трепетъ объяли всѣхъ и ни одно средство не было уищено къ воздариенію надъ духовными аристократическаго владычества“,— такъ характеризуетъ современникъ протасовскій режимъ въ сферѣ церковнаго управленія. Митрополитъ Серафимъ вспоминалъ

не задолго до своей смерти обстоятельства назначенія Протасова въ оберъ-прокуроры. „Послали тогда меня... просить вамъ царя, я сдѣлалъ по желанію—выпросилъ его вамъ, и вотъ семь лѣтъ смотрю, какъ онъ всѣхъ задираетъ. Духъ изъ всѣхъ вышибъ... Вы просили его себѣ въ цари и стяжайте въ терѣннѣи вашемъ души ваши“. Проявленіе слабой самостоятельности членами Синода имѣло мѣсто только въ исключительныхъ случаяхъ и не отнимало у всемогущаго оберъ-прокурора самой возможности проводить въ церковную жизнь ту или иную мѣру. Протасовъ фактически сосредоточилъ въ своихъ рукахъ все управленіе въ духовномъ вѣдомствѣ, оставляя на долю высшаго церковнаго учрежденія дѣятельность подчиненнаго административнаго органа. Достаточно характеризуетъ его могущество удаленіе отъ присутствованія въ Синодѣ митрополита Филарета Московскаго и митрополита Филарета Кіевскаго. Гр. Протасовъ завершилъ процессъ постепеннаго подчиненія синодальнаго управленія вліянію оберъ-прокурорской власти.

Вотъ главные моменты въ исторіи развитія оберъ-прокурорской власти въ синодальномъ вѣдомствѣ, тѣ стадии, которыя она прошла отъ Болтина, подававшаго „всецокорнѣйшее прошеніе“ св. Синоду, до Протасова, который говорилъ одному архимандриту, работавшему надъ составленіемъ программы: „прошу знать меня и больше никого“.

Еще послѣ выхода перваго изданія книги упрекали автора въ излишне узкой постановкѣ вопроса ¹⁾. Можетъ быть требовали отъ него тогда крайне многого, но доля справедливости въ этомъ упрекѣ несомнѣнно есть. Конечно институтъ оберъ-прокурора въ св. Синодѣ имѣлъ и имѣетъ въ русской церковно—административной жизни такое важное и многостороннее значеніе, что изслѣдовать его въ цѣломъ болѣе чѣмъ трудно, особенно при современномъ состояніи нужнаго матеріала. Но это не избавляло нашего автора отъ обязанности обработать всесторонне уже взятую часть исторіи оберъ-прокуроровъ. Его задачей, какъ показываетъ подзаглавіе перваго изданія, было прослѣдить развитіе оберъ-

¹⁾ Разумѣемъ рецензію въ Вѣстникѣ Европы, 1899 г., сентябрь.

прокурорской власти въ синодальномъ вѣдомствѣ. Ясно, что авторъ имѣеть дѣло съ тремя элементами, отношенія которыхъ въ разные историческіе моменты и составляютъ исторію развитія оберъ-прокурорской власти: первый элементъ—верховная власть въ отношеніи къ церковному управленію Россіи, второй элементъ—оберъ-прокуроры св. Синода, какъ исполнители высшей воли въ церковномъ вѣдомствѣ и третий—св. Синодъ въ его отношеніи къ государственной власти и ея представителямъ. Намъ кажется, что всѣ эти элементы одинаково важны для исторіи изучаемаго института. Но авторъ разсуждалъ не такъ. Отмѣчая направленіе церковной политики въ каждое царствованіе со времени Петра, и останавливаясь на личныхъ дарованіяхъ и успѣхахъ оберъ-прокуроровъ въ ихъ отношеніяхъ къ Синоду, онъ не касается почти никогда вопроса о составѣ св. Синода въ разные моменты изучаемаго имъ періода. А это понятно необходимо. Исторія развитія оберъ-прокурорской власти есть исторія борьбы свѣтскихъ чиновниковъ съ членами Синода, но чтобы объяснить перипетіи борьбы, надо знать въ каждый моментъ силы обѣихъ сторонъ: надо знать не только таланты, энергію, искусство каждаго оберъ-прокурора, но и степень солидарности, богатства талантами и энергіей въ синодальной коллегіи. Живымъ людямъ надо противопоставлять тоже живыхъ дѣятелей. А между тѣмъ въ книгѣ проф. Благовидова только иногда мелькаютъ имена Феофана Прокоповича, Арсенія Маціевича, Амвросія, Филарета. Живымъ дѣятелямъ онъ противопоставляетъ нѣчто отвлеченное. Авторъ повидимому предположилъ разъ навсегда, что Синодъ не сочувствовалъ развитію оберъ-прокурорской а вмѣстѣ и государственной власти въ своемъ вѣдомствѣ и противодѣйствовалъ этому. Но это фикція, негодная для детальнаго изложенія вопроса: при разномъ составѣ и въ разные эпохи отношеніе синодальныхъ членомъ къ оберъ-прокурорской власти было далеко не одинаковое, такъ сказать, и въ количественномъ и въ качественномъ отношеніяхъ. Мы не думаемъ утверждать, что съ этой точки зрѣнія можно объяснить окончательные результаты изучаемаго историческаго процесса, но утверждаемъ, что многія частности въ этомъ процессѣ, въ этой борьбѣ были бы освѣщены яснѣе и полнѣе поняты, еслибы авторъ далъ мѣсто указанному нами от-

дѣлу: въ этой исторіи было-бы больше движенія, архивныя данныя, собранныя авторомъ съ разныхъ сторонъ и связанныя въ его изложеніи только тѣми выводами, какіе слѣдуютъ изъ нихъ для исторіи оберъ-прокурорской власти, во многихъ случаяхъ не производили бы на читателя впечатлѣнія простыхъ пересказовъ изученныхъ официальныхъ дѣлъ и легче бы можетъ быть укладывались въ его памяти. Въ этомъ пропускѣ надо видѣть односторонность, значительно повредившую книгѣ. Авторъ и самъ пришолъ или можетъ быть былъ приведенъ къ сознанию этого пробѣла въ своей работѣ, по крайней мѣрѣ во второмъ изданіи онъ уже измѣнилъ подзаглавіе. Предметъ книги по этому подзаглавію „отношенія оберъ-прокуроровъ къ св. Синоду“. Конечно эта задача гораздо скромнѣе и значительно уже, чѣмъ высказанная раньше. Съ этой точки зрѣнія наше замѣчаніе не имѣетъ силы: взявъ на себя трудъ изложить только отношенія оберъ-прокуроровъ къ св. Синоду, авторъ не обязанъ описывать отношенія Синода къ оберъ-прокурорамъ, не обязанъ рассказывать, какъ воспринималъ Синодъ усилія свѣтской власти подчинить его себѣ. Онъ взялъ одну только сторону вопроса о развитіи оберъ-прокурорской власти и не касается другой стороны. Но такое суженіе задачи будетъ искусственнымъ, а разработка вопроса односторонней. Перемѣна одной строки на заглавномъ листѣ и разъясненіе этого добавочнаго подзаголовка въ предисловіи еще не достаточны для оправданія автора. Тема его прежняя, а значить и прежній путь ея обработки, къ которому принуждаетъ изслѣдователя самое существо его темы. И вѣдь строго говоря, въ книгѣ автора содержится больше, чѣмъ сколько нужно этого по заглавному листу. Кромѣ отношеній оберъ-прокуроровъ къ св. Синоду или какъ онъ разъясняетъ, кромѣ „вопроса о юридическихъ и бытовыхъ отношеніяхъ оберъ-прокуроровъ къ свят. Синоду, какъ высшему церковному учрежденію“ у него встрѣчаются по мѣстамъ указанія и на отношенія членовъ Синода къ оберъ-прокурорамъ, т. е. затрогивается сторона, не отмѣченная въ подзаглавіи и въ его разъясненіи; встрѣчаются дажѣ факты разнаго отношенія оберъ-прокуроровъ къ органамъ епархіальнаго управленія, что гораздо лучше обозначить развитіемъ власти оберъ-прокуроровъ въ Синодальномъ вѣдомствѣ (прежнее подзаг-

лавіе), чѣмъ отношеніемъ къ св. Синоду, какъ къ высшему церковному учрежденію. Справедливо замѣчаетъ авторъ, что развитіе оберъ-прокурорской власти явилось „результатомъ продолжительнаго процесса постепенныхъ измѣненій въ области взаимныхъ отношеній оберъ-прокуроръ и св. Синода, измѣненій, совершавшихся подъ вліяніемъ очень многихъ, довольно сложныхъ и глубокихъ причинъ“. Но изученіе многихъ, сложныхъ и глубокихъ причинъ требуетъ очень широкой постановки изслѣдованія. И будущій изслѣдователь воспользуется трудомъ проф. Благовидова главнымъ образомъ какъ матеріаломъ.

С.
